УДК 911.37

РЫНКИ ТРУДА И РОЛЬ ОТХОДНИЧЕСТВА В ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

© 2016 г. К.В. Аверкиева

*Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: xsenics@yandex.ru*

Поступила в редакцию 08.07.2015 г.

Статья посвящена сельским рынкам труда и современным практикам поиска источников средств к существованию теми, кто не смог найти работу в пределах своих населенных пунктов. Подробно рассмотрены различные способы оценки численности незанятого населения с помощью материалов федеральной и муниципальной статистики, а также микроданных Всероссийской переписи населения 2010 г. На основе сопоставления материалов статистики, переписи и интервью, проведенных автором в ходе полевых исследований, определена структура местных рынков труда и выявлены все возможные источники средств к существованию для сельских жителей трудоспособного возраста на примере 18 сельских населенных пунктов – ключей в Ивановской и Костромской областях. Исследования показали, что среди сельских жителей трудоспособного возраста лишь около 30–35% заняты в традиционных сферах труда (сельском и лесном хозяйстве, промышленности, секторе услуг) в своем населенном пункте; свыше 35% работают за его пределами как в режиме ежедневных трудовых поездок, так и в вахтовом режиме; около 20% живут на пенсии, различные пособия или находятся на иждивении родственников и других лиц; остальные 10% относятся к самозанятым (т.е. ведут товарное личное подсобное хозяйство или имеют случайные заработки). Соотношение выделенных групп в каждом населенном пункте зависит от множества факторов, в числе которых – состояние местной экономической базы, географическое положение, плотность транспортной инфраструктуры и другие.

Ключевые слова: сельская местность, занятость, рынки труда, сельское хозяйство, отходничество, Нечерноземье.

Постановка задачи и методика исследования. Представление о сельских жителях как работников преимущественно аграрной сферы теряет свою актуальность. Современное сельскохозяйственное производство, как и лесное хозяйство, не требует большого числа работников. Сокращение занятости в базовых отраслях сельского рынка труда сильно опережает сокращение численности сельского населения, поэтому вопрос о его занятости встает все более остро. В данной статье проведен анализ состояния рынков труда в сельской местности, дана характеристика занятости в основных сферах приложения труда и рассмотрены варианты трудоустройства сельских жителей за пределами мест постоянного проживания.

Если речь идет не о долговременном отъезде, когда сельской остается только регистрация, а сами работники снимают жилье в городе на длительный срок, то складывается практика трудовых поездок различной продолжительности с определенным ритмом. Ежедневные трудовые поездки принято называть маятниковой миграцией, к ним условно можно отнести и работу в сменном режиме (сутки через двое или трое). Для обозначения трудовых поездок на больший срок нет устоявшейся терминологии. Один из вариантов – отходничество [8, 10] или неоотходничество [1]. Именно сходство с дореволюционной трудовой мобильностью конца XIX – начала XX в. позволяет исследователям использовать отчасти устаревший термин в современной науке. Как и прежде, отходники отправляются из периферийных районов в местные центры или столичные города. Как и традиционное, современное отходничество чаще всего вы-

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН в рамках проекта РНФ № 14-18-00083 “География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме”.

Рис. 1. Схема видов занятости и источников средств к существованию для сельских жителей трудоспособного возраста. Составлено автором по материалам экспертных интервью.

нужденное: отходниками становятся не столько в погоне за длинным рублем, сколько в стремлении прокормить семью в условиях сжатия местных рынков труда или несоответствия имеющихся рабочих мест предпочтениям и навыкам населения.

Полевая часть исследований проводилась в четырех муниципальных районах Ивановской и Костромской областей – регионах староосвоенного Нечерноземья. Оба региона переживают долговременное сжатие освоенного пространства [16], сопровождающееся нарастанием центрально-периферийных контрастов социально-экономического развития. Рассматриваемые территории в дореволюционный период были известны массовым отходничеством, так как скудность природных ресурсов в сочетании с аграрным перенаселением выталкивали сельских жителей из деревни. Кроме того, в XIX в. здесь бурно развивались промышленное производство (в первую очередь прядильное, ткацкое, отделочное) и надомные промыслы.

В каждом районе были выбраны отдельные населенные пункты с численностью населения в трудоспособном возрасте свыше 100 человек, служащие центрами сельских поселений (муниципалитетов) или утратившие этот статус в процессе укрупнения поселений. В них, как правило, еще остался базовый набор учреждений социальной инфраструктуры, выше вероятность сохранения сельскохозяйственного производства, сосредоточены основные трудовые ресурсы. Были обследованы 18 сельских населенных пунктов.

Доля выбранных населенных пунктов в общей численности населения сельских поселений, в

которые они входят, составляет в среднем около 35%. Встречаются сельские поселения, состоящие из одного населенного пункта (Мугреевский, Моста в Южском районе Ивановской области), или, наоборот, настолько укрупненные, что, например, доля бывшего центра в численности населения одного из нынешних поселений составляет всего 10%.

В системе центрально-периферийных отношений выбранные районы занимают разные позиции: Нерехтский район Костромской области и Шуйский район Ивановской – это соседи пригородных районов, а Южский, Антроповский и Кологривский районы (второй и третий – Костромская область) – региональная периферия. Все периферийные районы отличаются низкой плотностью сельского населения – 3–6 чел./км², в Нерехтском и Шуйском районах плотность существенно выше – 12–15 чел./км².

Проведено 52 интервью с представителями районных администраций и центров занятости населения, главами сельских поселений и отдельными работодателями (руководителями сельскохозяйственных и промышленных предприятий, бюджетных организаций и малого бизнеса). Собрана детальная статистика количества рабочих мест в населенных пунктах. Полученные данные сопоставлены с данными Центральной базы статистических данных Госкомстата РФ и с микроданными Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010).

Общая характеристика рынка труда в сельской местности Центральной России. Обобщив материалы экспертных интервью, можно выделить основные виды занятости сельского населения, а также основные источники средств к существованию, не связанные с занятостью (рис. 1).

В России в целом занятость в аграрной сфере еще не достигла уровня, характерного для развитых стран – 2–4% [7], но в Центральной России² показатели уже приближаются к зарубежным: на сельское хозяйство приходится менее 10% занятых в экономике (рис. 2), в отдельных областях (Тульской, Калужской, Ивановской) – 6–7%. Сокращение численности занятых в сельском и лесном хозяйстве связано как с уменьшением объемов производства (что более характерно для периферийных районов), так и с его модернизацией, когда внедряются более современные технологии, требующие меньших затрат труда (в районах, тяготеющих к локальным центрам или автомагистралям регионального и федерального значения).

² Здесь и далее Центральная Россия рассматривается в границах Центрального экономического района.

Рис. 2. Динамика занятых в сельском и лесном хозяйстве в Центральной России. Источник: [13].

Вместе с тем сокращение занятости в производственном секторе нередко связано и с изменениями предпочтений самих работников: многих не устраивают условия труда, уровень его оплаты.

Если в целом по областям Центральной России численность занятых в сельском и лесном хозяйстве сократилась за последние 20 лет с 2 млн до 1.2 млн человек (на 40%), то в отдельных регионах падение было еще более стремительным: так, в Костромской области только за 15 лет с 1998 по 2013 г. занятых в аграрном производстве стало в 4 раза меньше. При этом численность сельских жителей с 1989 до 2010 г. сократилась в Центральной России примерно на 18–20% (отметим, что эти значения занижены, поскольку за это время произошли административные преобразования населенных пунктов, и в отдельных регионах в число сельских жителей попали жители бывших поселков городского типа).

Учет занятых в сельском хозяйстве – непростая задача не только для исследователей, но и для органов статистики. Как правило, к занятым в сельском хозяйстве относят работников крупных и средних сельскохозяйственных предприятий. Но большая часть существующих предприятий уже насчитывает менее 100 работников (исследование показало, что среднее число занятых в сельхозпредприятиях рассмотренных районов составляет около 50 человек), поэтому в указанные категории не попадает. Тем не менее администрации стараются собирать сведения обо всех сельскохозяйственных предприятиях коллективной формы собственности независимо от их размера.

Методика сбора статистики о личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) тоже не поддается универсализации. В отдельных случаях информацию о ЛПХ собирают районные управления сельского хозяйства, но их данные не используются статистическими органами. Другой вариант учета – по похозяйственным книгам, которые ведутся в сельских поселениях и служат источником наиболее полных сведений о сельских жителях, – включает в ЛПХ даже самые скромные приусадебные участки с нетоварным производством овощей или зелени. Областные органы государственной статистики учитывают продукцию, производимую в ЛПХ, но они опираются на данные выборочных (в заранее включенных в список населенных пунктах) сплошных обследований отдельных сельских поселений и предоставляют статистику лишь в агрегированном по всему региону виде. Для целей данного исследования такие данные непригодны, поэтому занятыми в аграрном производстве было решено считать лишь работников сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств. Сельские жители, имеющие товарные подсобные хозяйства, были отнесены к категории самозанятых, а имеющие ЛПХ для собственного потребления, не учитывались в качестве занятых.

В среднем по исследованным населенным пунктам доля занятых в *сельском хозяйстве* составила 11%³. В районах, отнесенных автором к несельскохозяйственному Нечерноземью (лево-

³ В исследовании по рассматриваемым населенным пунктам учитывались только занятые трудоспособного возраста.

бережье Волги и районы Балахнинской низменности в Ивановской области с плотностью населения менее 7 чел./км²), не оказалось ни одного сельскохозяйственного предприятия; аграрная занятость здесь возможна только на небольших фермерских хозяйствах, которых немного. В районах сельскохозяйственного Нечерноземья (Нерехтский район Костромской области, Шуйский и частично Южский районы Ивановской области с плотностью населения свыше 12 чел./км²) доля занятых в аграрном производстве варьирует от 5% (в случае, если предприятия сократили число занятых до 10–15 человек) до 25–29% в селах, где сохранились крупные коллективные хозяйства с “колхозной” организацией.

С ростом мобильности населения работа в сельском хозяйстве уже не требует проживания в сельской местности. Нередки случаи, когда специалисты и даже работники массовых профессий в аграрной сфере проживают в городе – районном центре или в удаленных от места работы сельских населенных пунктах.

Занятость в *лесном хозяйстве* даже в районах несельскохозяйственного Нечерноземья невелика – около 15%, лишь в отдельных населенных пунктах, где много пилорам, этот показатель может достигать 30%. Лесное хозяйство идет по пути повышения производительности труда, многие операции механизуются (особенно в лесозаготовках), поэтому даже в случае развития лесной отрасли существенного роста занятости сельского населения не предвидится. Сотрудники сельских администраций отмечают невысокую квалификацию работников предприятий деревообработки (по словам глав сельских поселений, “туда идут одни непутевые ребята”, “у нас происходит круговорот бездельников по пилорамам”) при невысоком уровне оплаты труда (10–15 тыс. рублей в 2014 г.). На лесозаготовках или на предприятиях глубокой переработки древесины уровень оплаты труда более высокий и меньше текучесть кадров.

В некоторых населенных пунктах, особенно на территории Ивановской области, имеются *промышленные предприятия*. Большинство из них возникло еще в конце XIX в. в период массовой индустриализации, когда не только “мужик шел на фабрику”, но и “фабрика шла к мужику” [5]: в селах размещались заготовительные и раздаточные конторы, которые координировали труд надомников, а также строились небольшие фабрики. В советские годы фабрики были национализированы, надомники объединены в артели, объемы сельского производства поддерживались до тех пор, пока это позволяла ресурсная база

(как, например, мех для шапок) или пока рабочие оставались на селе, а не переезжали в города.

Большинство старинных предприятий не сохранили историческую специализацию. Осталось совсем немного сельских прядильных фабрик, большинство прекратило работу вместе с головными организациями в городах – районных центрах. Некоторые производства, требовавшие особого умения (например, строчевышивальные фабрики), прекратили свою работу в связи с выходом большинства работниц на пенсию. Но корпуса старых фабрик сохраняются, они могут вместить новые производства. Осталась и некая производственная культура, когда жители готовы работать в традиционных для данной местности отраслях промышленности. Так, во многих крупных селах Шуйского района действуют различные швейные фабрики, до недавнего времени сохранялись небольшие прядильно-ткацкие производства, большинство которых сейчас находятся в стадии переоборудования под нужды пищевой промышленности. Постоянно появляются малые предприятия по пошиву различных изделий. Редко встречаются предприятия деревообработки (например, наследник артели по производству дуг и оглобель – Васильевский лесокombинат, на котором из привозной древесины производятся парадные кресла и стулья для областных и районных государственных учреждений).

Примечательно, что швейное производство в Ивановской области сохраняется не только в тех селах, где оно существовало традиционно, но и в советских рабочих поселках, возникших совсем на иных началах. Показателен пример села Мугреевский, где после ликвидации торфозаготовительного предприятия и закрытия одной из четырех исправительных колоний в соседнем пос. Талицы осталось много безработных. Глава сельского поселения добился открытия в селе швейного цеха – филиала крупного производства в районном центре. И многие жители, до этого не сталкивавшиеся с подобным ремеслом, стали осваивать новую профессию.

Однако в соседней Костромской области такого швейного бума не наблюдается. Там сельской промышленностью можно было бы считать в основном предприятия деревообработки, хотя они больше относятся к сфере лесозаготовок (как правило, имеют в аренде лесную делянку, заготавливают лес и осуществляют первичную деревообработку). Аналогично небольшие цеха по переработке и фасовке молока при сельхозпредприятиях не стоит выделять из сельскохозяйственного производства.

Особый вид занятости, в некотором роде близкий к промышленности, – *художественные промыслы*: в с. Холуй Южского района Ивановской области они обеспечивают заработок 29% жителей трудоспособного возраста; надомная роспись деревянных игрушек дает возможность дополнительного заработка жителям Нерехтского района Костромской области.

При сокращении занятости в аграрном и лесном хозяйстве увеличивается роль занятости в *бюджетной сфере* вследствие изменений структуры рынка труда. Количество бюджетных учреждений, как и количество рабочих мест, в сельской местности сокращается в рамках общей государственной идеи “оптимизации расходов” на здравоохранение, образование, культуру и управление. Тем не менее в рассмотренных сельских населенных пунктах доля занятых в бюджетном секторе (12%) превышает долю занятых в сельском и лесном хозяйстве.

Нередко в сельских населенных пунктах размещаются различные учреждения социальной опеки: дома престарелых и инвалидов, детские дома, различные интернаты и койки сестринского ухода. В таких пунктах доля занятых в бюджетной сфере может достигать 20–22%. Наиболее высока доля бюджетников (23–25%) в населенных пунктах, оставшихся без предприятий производственного сектора. Работа в бюджетных организациях сейчас самая желанная: официальное трудоустройство, стабильная выплата заработной платы (не всегда большой, но имеющей тенденцию к увеличению), неплохие условия труда.

Известны также случаи создания учреждений социальной опеки с негосударственным финансированием: частные дома престарелых, реабилитационные центры и другие. В связи с закрытием сельских школ нередко высвобождаются добротные здания, которые районные власти продают частным лицам. Чаще всего их используют для создания рекреационных объектов (например, проект создания туристического центра на базе школы в деревне Первитино Лихославльского района Тверской области [15]). Существуют и коммерческие центры социальной опеки (дом престарелых “Тихие Зори” в селе Марьинское Нерехтского района, детский дом в селе Ковалёво того же района, открывшийся по инициативе настоятеля местного храма в здании бывшей школы [9]).

Занятых в *секторе платных услуг* в рассмотренных районах оказалось немного: в силу невысоких доходов населения платные услуги на селе почти не востребованы. Даже магазины есть не

в каждом селе, а некоторые до сих пор относятся к районным потребительским кооперативам. В среднем в торговле заняты 3–4% населения в трудоспособном возрасте, более высокие показатели (6–8%) отмечаются в крупных селах с более развитым рынком труда и более высокими доходами сельского населения, а также в популярных у дачников районах.

Немного в селах и иных форм занятости. В ходе экспедиционных исследований встречались населенные пункты, где в структуре занятости важную роль играли нехарактерные для сельской местности занятия. В случае близкого расположения исправительных учреждений наиболее желанной работой становится охрана. В пос. Талицы Южского района (с населением свыше 5000 человек, включая заключенных) в охране трех исправительных учреждений трудоустроены около 40% населения трудоспособного возраста, а также многие жители других сел и даже районного центра – г. Южи. В отдельных случаях работу жителям сельской местности дают монастыри, которые возрождаются и восстанавливают хозяйство (сельское хозяйство, производство, торговлю).

Официальных безработных в сельской местности совсем мало – зарегистрированная безработица редко превышает 1–2%: многие просто не регистрируются, к тому же выплаты пособий рассчитаны только на определенный срок (6–12 мес.), если безработные отказываются от предлагаемой им в центре занятости работы, выплаты прекращаются.

Иные источники средств к существованию жителей сельской местности:

- пенсии и пособия (трудовые по возрасту, по инвалидности, социальные и др.);
- иждивенчество (жизнь на заработную плату, пенсию и иные доходы других членов семьи);
- случайные заработки, или “калым” (сезонные работы в сельском и лесном хозяйстве; сбор ягод и грибов для продажи, в том числе перекупщикам; строительные и другие хозяйственные работы для дачников или односельчан);
- отходничество.

Варианты оценки численности “незанятого” сельского населения. Учет трудоспособного населения, не вовлеченного в местный рынок труда, можно провести, используя косвенные методы: из общей численности экономически активного населения (если такой статистики нет, этот показатель заменяется на общую численность трудоспособного населения или даже населения в трудоспособном возрасте) вычитается численность

занятых в экономике. В этом случае удастся получить показатель, включающий в себя и отходников, и пенсионеров трудоспособного возраста, и “калымщиков”, и иждивенцев. Такой способ использовали исследователи из проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ в рамках проекта “Отходники” (проекты фонда Хамовники 2011 г. и РГНФ 2012 г. [4, 10]). Несмотря на множество неточностей, на момент проведения исследований это был единственный статистический метод оценки данного явления. Более детальную информацию можно было узнать только в ходе полевых исследований. В настоящий момент стали доступны обезличенные микроданные ВПН-2010, которые позволяют довольно точно оценить иные источники средств к существованию, нежели официальная занятость, а также дают информацию о местоположении (населенный пункт) работы, если респондент указал ее наличие.

Большинство исследователей и управленцев отмечает, что единственный достоверный способ подсчитать общую численность отходников, иждивенцев и “калымщиков” – это поквартирный или подомовой обход. Даже при допущении, что большинство жителей согласятся быть опрошенными, этот метод крайне трудоемкий и требует больших затрат времени. Работа с похозяйственными книгами осложняется запретом на использование персональных данных, а также реформой самих похозяйственных книг: теперь данные о занятости сельских жителей в них не отражаются, и этот источник информации подходит для целей исследования все меньше (формы похозяйственных книг определяет Министерство сельского хозяйства).

Специфика сельской местности заключается в том, что большинство жителей сел и целых сельских поселений хорошо знают друг друга. Как правило, практически все о занятиях сельских жителей знают главы сельских поселений и сотрудники сельских администраций. Но многие не ведут учет незанятого на местном рынке труда населения в силу ненужности, хотя в случае особых обстоятельств они могут собрать необходимую статистику, зачастую не выходя из кабинета, по памяти. Например, в Южском районе Ивановской области такие данные были необходимы для оценки реального числа находящихся в сельской местности для оповещения в связи с угрозой лесных пожаров.

По инициативе департамента по труду и занятости Костромской области в 2007 и 2012 гг. был проведен мониторинг численности отходников

по муниципальным районам. Методика мониторинга предполагала, что директора районных центров занятости населения будут опрашивать глав сельских поселений (это было удобно сделать до укрупнения сельских поселений) и опираться на исключительно экспертные данные. Сотрудники департамента замечают, что такая методика не всегда давала качественные результаты, особенно в тех случаях, когда в составе сельских поселений были населенные пункты с населением свыше 1000 человек – при такой людности главы сельских поселений просто не могут знать всех отходников, и их оценки получаются очень приблизительными [12]. В данном случае учитывалась только занятость за пределами Костромской области, хотя отходничество возможно и в пределах одного региона, особенно если он имеет такую большую площадь, как данная область.

Результаты мониторинга (рис. 3) и микроданные переписи населения (рис. 4) различаются. Согласно переписи населения доля жителей трудоспособного возраста, нашедших работу за пределами Костромской области, ниже (7.1%), чем по результатам мониторинга (10.4%). Территориальная дифференциация уровня отходничества на основе микроданных переписи может быть объяснена несколькими факторами. Наиболее высокая доля отходников – в Нерехтском районе (66%), который граничит с Ярославской областью. Вслед за ним с большим отрывом идет Буйский район (23%), отличающийся удобным транспортным положением на пересечении железнодорожных магистралей, затем – районы области, традиционно (еще с XIX в. [2, 3]) известные как места отхода сельского населения: Макарьевский (13%), Чухломский (10%), Солигаличский (8%) и другие. Минимальная доля отходников, отправляющихся за пределы области, – на периферии региона (Вохомский, Октябрьский, Павинский, Межевской районы), а также в районах, расположенных вокруг Костромы, так как из них осуществляются ежедневные или сменные трудовые поездки в региональный центр.

Предложенная в данном исследовании *методика подсчета отходников* предполагает совокупное рассмотрение данных, полученных в ходе полевых исследований (материалы местных центров занятости населения, данные глав сельских поселений), и микроданных ВПН-2010. На первом этапе предполагалось выяснить число сельских жителей в трудоспособном возрасте, реально проживающих в рассматриваемых населенных пунктах. Для этого в рамках интервью задавался вопрос о том, какова доля зарегистрированных жителей, в настоящий момент не проживающих

Рис. 3. Доля работающих за пределами Костромской области в численности населения в трудоспособном возрасте по муниципальным районам, %. Рассчитано автором по материалам мониторинга департамента по труду и занятости Костромской области, 2012 г.

на территории. В среднем она оказалась около 15%.

Следующий этап – это подсчет на основании интервью всех рабочих мест в населенном пункте с поправкой (если это было возможно) на рабочие места, занятые жителями других сел⁴. Разность между численностью реально проживающих в рассматриваемом населенном пункте жителей трудоспособного возраста и общим количеством рабочих мест – это оценочная численность сельских жителей трудоспособного возраста, не включенных в локальный рынок труда. В среднем

данная группа составила около 45% в сельскохозяйственном Нечерноземье и около 38% – в несельскохозяйственном. Выявить структуру незанятых на местном рынке труда жителей по материалам интервью оказалось непростой задачей. В лучшем случае эксперты-респонденты могли дать оценку доли отходников и маятниковых мигрантов. Как правило, каждая из этих категорий составляла не более 20% трудоспособного населения.

После обработки микроданных переписи удалось разделить полученную группу на сегменты. Для этого использовались данные ответов на вопрос переписного листа “основной источник дохода”, куда включались и различные источники средств к существованию помимо доходов от трудовой деятельности. Общее число сельских пенсионеров трудоспособного возраста, как и тех, кто получает в этом возрасте различные пособия, оказалось выше, чем число указавших различные пособия как основной источник дохода. Таким образом, наличие денежного государственного пособия еще не означает отсутствие занятости.

⁴ В рамках исследования было сделано допущение, что работают только жители в трудоспособном возрасте. Безусловно, это допущение очень грубое, поскольку среди работающих много пенсионеров, однако в качестве рабочей гипотезы было решено приравнять численность нетрудоспособных жителей трудоспособного возраста к численности работающих пенсионеров. Впоследствии, при обработке микроданных переписи обнаружилось, что работают около 10% пенсионеров, в то время как неработающих жителей трудоспособного возраста заметно больше: свыше 20% живут на пенсию или находятся на иждивении.

Рис. 4. Доля работающих за пределами Костромской области в общей численности населения в трудоспособном возрасте по муниципальным районам, %.

Рассчитано автором по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

К сожалению, в разных регионах России переписчики по-разному учитывали различные источники средств к существованию жителей трудоспособного возраста. Так, в Ивановской области пенсии и пособия как основной источник дохода отделялись от “иждивения и помощи других лиц”, а в отдельных районах Костромской области такого деления не проводилось, и иждивенцы попадали в одну группу с пенсионерами в трудоспособном возрасте и получателями различных пособий. На примере села Холуй Ивановской области видно, что выделенная при обработке данных полевых исследований обширная группа “отходников, калымщиков, иждивенцев” (рис. 5А) при сопоставлении с микроданными переписи разделяется на несколько сегментов примерно в равном соотношении (рис. 5Б).

В среднем по рассмотренным районам доля иждивенцев, пенсионеров и тех, для кого различные государственные пособия служат основными источниками средств к существованию, состав-

вила 21% населения в трудоспособном возрасте. Около половины из них – иждивенцы (т.е. получающие денежные средства от других лиц), затем идут инвалиды (18%), живущие на пособие по инвалидности, и пенсионеры в трудоспособном возрасте (около 16%). Их особенно много в тех районах, где есть воинские части или учреждения ФСИН – там на пенсию выходят гораздо раньше. Например, для выхода на пенсию сотрудникам исправительных учреждений надо отработать 15 лет, а в отдельных случаях – 12. Остальные (около 16%) – это получатели иных государственных пособий, в том числе по уходу за пожилыми людьми и инвалидами, а также пособия опеки над несовершеннолетними. Такой вид пособий получают лица и семьи, оформившие опеку над детьми из детских домов. Почти в каждом крупном населенном пункте есть семьи с приемными детьми, а в отдельных районах опеку прозаично рассматривают как один из источников дохода (размер пособия сопоставим с заработной платой в бюджетной сфере).

По результатам обработки микроданных переписи получается, что занятых за пределами своих населенных пунктов среди жителей трудоспособного возраста около 30–35%. Опубликованные данные также позволяют выделить “дальних” отходников, т.е. тех, кто работает за пределами своего региона (можно предположить, что режим таких трудовых поездок – вахтовый, если речь не идет о приграничных районах, откуда можно совершать ежедневные трудовые поездки в другой регион), и “ближних”, которые работают на территории своей области⁵. К сожалению, предложенное в переписных листах деление мест работы на “расположенные в пределах региона” и “за пределами региона/страны” не позволяет отделить маятниковых мигрантов (совершающих ежедневные трудовые поездки) от отходников, которые проводят от одной недели до нескольких месяцев вне дома. Ближних отходников не стоит приравнивать к маятниковым мигрантам, так как зачастую региональные центры бывают настолько удалены от мест постоянного проживания работников, что приемлемым оказывается только вахтовый режим работы. Обобщая материалы интервью, можно констатировать, что к отходникам с вахтовым режимом работы относятся около трети занятых за пределами мест постоянного проживания, остальные совершают трудовые поездки ежедневно или посменно (сутки через трое или иначе), нередко затрачивая на дорогу 1.5 часа и больше (рис. 6).

Отходниками становятся и мужчины, и женщины, но чаще в отход отправляются мужчины. Нередко в семье жена – работница бюджетной сферы, а муж ездит на заработки. Мужчины обычно работают охранниками, также распространены строительные бригады, которые занимаются установкой срубов или ремонтными работами. В последние несколько лет стали популярны поездки на промышленные предприятия Московской области: это дает официальную занятость, запись в трудовой книжке, наличие страховки. Женщины чаще находят работу сиделками при пожилых людях, реже – в торговле. В Ивановской области распространено отходничество на предприятия текстильной отрасли. Такая же ситуация наблюдалась 100–120 лет назад, когда сельские жительницы уходили работать на предприятия Иванова и Кохмы [6, 17]. Обычно на заработки решаются отправиться, если есть на кого оставить дом.

⁵ Такое деление отходников на ближних и дальних не соответствует предложенной Ю.М. Плюсиным и его коллегами [11] классификации отходников по расстоянию трудовых поездок. Их классификация предполагает, что перемещение на расстояние 200–500 км – это ближний отход, 500–700 км – средний и свыше 1000 – дальний.

Рис. 5. Структура населения в трудоспособном возрасте по основному источнику средств к существованию в с. Холуй Южского района Ивановской области: по материалам интервью (А) и по материалам интервью с учетом микроданных ВПН-2010 (Б).

Работа за пределами своих населенных пунктов позволяет зарабатывать больше, за смену (2 недели) отходники получают 15–20 тыс. рублей, иногда больше, и респонденты отмечают рост благосостояния односельчан. Это заметно и при посещении многих сел: дома ремонтируются, перекрываются крыши, ставятся новые заборы. У большинства сельских жителей трудоспособного возраста есть автомобили: если раньше работодателям приходилось иметь служебный автобус, то сейчас практически все приезжают на работу сами. Однако рост благосостояния сельских жителей не всегда искупает множество отрицательных сторон отходничества.

• Распадаются семьи. Причины этого не только в том, что живущие по отдельности супруги находят кого-то на стороне. Респонденты отмечают, что люди просто утрачивают привычку и навык быть вместе. Бывают и более трагические случаи: *“уборщица наша начала в Москву ездить за по-*

Рис. 6. Структура населения в трудоспособном возрасте по основному роду деятельности или источнику средств к существованию.

Составлено по материалам интервью в рассматриваемых населенных пунктах с учетом микроданных ВПН-2010.

жилыми ухаживать, а за это время ее муж так упился, что его отвезли в Шую в психоневрологический интернат”.

- Теряется мотивация к труду. Многие отходники, особенно работающие охранниками, уже не могут представить для себя более тяжелую или ответственную работу. Некоторые работодатели в интервью отмечали, что не готовы брать на работу тех, кого “Москва испортила”: запросы таких людей становятся неадекватными их навыкам.

- “Износ” лучших кадров. Отходниками нередко становятся наиболее молодые и активные жители села. Долгие часы дороги, изматывающий режим работы, большие нагрузки (особенно для тех, кто работает в строительстве) постепенно сказываются на здоровье. Отдых на первой неделе после возвращения с вахты также подрывает здоровье отходников.

Нередко отходничество становится образом жизни, многим нравится двухнедельный ритм работы, возможность вырваться за пределы села. Многие становятся более требовательными к условиям труда: работать в родном селе за те же деньги, что и в Москве охранником, уже не хотят. Зачем ходить на работу каждый день и напряженно трудиться (например, механизатором в сельском хозяйстве), если за те же деньги можно две недели “просидеть” в Москве и иметь еще две недели “каникул”? Жители районов, где отходничество стало распространенной формой занятости еще 10–15 лет назад, отмечают, что сейчас для них проще найти работу где-то за пределами района или области, чем искать вакансии на местном рынке труда, вплоть до того, что многим ста-

новится “лень бросать ездить” – отходничество стало рутинной.

Пространственная дифференциация локальных рынков труда и вариантов источников средств к существованию представлена в таблице. В половине из рассмотренных сельских населенных пунктов нет сельскохозяйственного производства (или есть небольшие фермерские хозяйства, где трудится всего несколько человек), хотя раньше сельское хозяйство присутствовало повсеместно, за исключением поселков Мугреевский и Моста – центров торфодобычи и лесозаготовок. Занятость в лесном хозяйстве также заметно варьирует по населенным пунктам. Она сохранилась лишь в 5 из 18 пунктов, хотя раньше лесозаготовки велись в каждом. Наибольший вклад в занятость лесной сектор дает в Кологривском и Антроповском районах Костромской области. Сельская промышленность развита лишь в крупных селах Ивановской области.

На долю пенсионеров и иждивенцев никакие пространственные факторы влияния не оказывают. Высокая доля (30% и выше) наблюдается как в удаленных населенных пунктах, так и в расположенных на региональных автотрассах на небольшом удалении от областных центров. Интереснее выглядит ситуация с маятниковыми мигрантами (они входят в группу ближних отходников): наиболее высока их доля в тех населенных пунктах, откуда можно быстро добраться до городов или поселков с рабочими местами. Например, из сел Рудино, Владычное и Татарское Нерехтского района многие ездят на работу в соседний город Волгореченск или в Кострому. Из сел Мугреевский и Моста работают охранниками в исправительных учреждениях пос. Талицы в том же районе.

Дальних отходников больше в районах, расположенных близко к региональным границам. Так, жители Нерехтского района работают в Ярославле и других населенных пунктах Ярославской области, а жители Южского района – во Владимирской области (в основном, в г. Ковров). Такие поездки могут быть сменными и даже маятниковыми из-за небольших расстояний, но по статистике оказываются дальним отходом. В среднем соотношение уходящих в ближний и дальний отход составляет 2 : 1. Повышенная доля дальнего отхода наблюдается также в тех населенных пунктах, поблизости от которых нет притягательных для трудовой миграции центров. Минимальна доля дальних отходников в самых труднодоступных населенных пунктах.

Выводы. Сельское население уже давно перестало быть сельскохозяйственным или лесохозяйственным.

Таблица. Структура населения в трудоспособном возрасте по источникам дохода и средств к существованию по населенным пунктам в обследованных районах, % (на основании местной статистики, данных интервью и микроданных ВПН-2010)

Область	Район	Населенный пункт	Источники дохода или средств к существованию								
			Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Промышленность	Бюджетная сфера	Торговля	Самозанятость	Пенсии и иждивенчество	Ближнее отходничество	Дальнее отходничество
Ивановская	Шуйский	Центральный	18	3	0	0	3	3	23	43	7
		Афанасьевское	28	0	0	10	3	8	31	11	9
		Васильевское	11	0	32	15	5	3	16	14	4
		Введенье	10	0	19	6	6	8	21	20	10
		Дунилово	14	0	29	5	2	3	21	24	2
	Южский	Хотимль	4	0	0	9	3	14	12	46	12
		Холуй	0	0	40	15	3	3	20	12	7
		Ново-клязьминское	0	0	12	24	0	6	39	13	6
		Мугреевский	0	0	4	22	8	3	29	28	6
		Моста	0	13	0	10	2	10	21	35	9
Костромская	Антроповский	Палкино	0	18	0	19	5	6	27	19	6
	Кологривский	Ильинское	4	28	0	25	3	6	19	15	0
	Нерехтский	Григорцево	12	2	0	16	2	3	13	31	21
		Марьинское	0	0	0	21	2	3	32	36	6
		Татарское	18	0	0	12	4	1	21	37	7
		Рудино	22	0	0	0	4	9	17	43	5
		Владычное	0	0	0	5	2	10	18	62	3
		Армёнки	4	0	0	7	4	5	18	36	26

зяйственным. Численность и доля занятых в этих секторах ежегодно сокращается. В тех селах, где еще остались крупные сельскохозяйственные или лесозаготовительные предприятия, доля занятых в них может достигать 20–25%, но все равно сельское хозяйство в занятости населения не доминирует. Это не исключает ведения личного подсобного хозяйства, но товарных ЛПХ – единицы, все чаще сельские жители отказываются от крупного рогатого скота, занимаются огородом только для личного потребления.

Другие формы занятости в производственном секторе зависят от сложного набора факторов, в числе которых историческая преемственность. Во многих селах Ивановской области сохраняются небольшие промышленные предприятия (текстильные, деревообрабатывающие, предприятия

народных промыслов и др.) и создаются новые малые предприятия, а существующие – ищут новые рыночные ниши, меняют специализацию. При этом в соседней Костромской области такой традиции нет, жители сел чаще ездят работать в районные центры и за пределы своих районов.

Важную роль в занятости сельского населения играют бюджетные учреждения. Они обеспечивают сопоставимую с производственным сектором долю рабочих мест, дают гарантированную работу с невысокой, но стабильной заработной платой. По мере укрупнения сельских поселений и оптимизации бюджетных расходов количество рабочих мест в данной сфере сокращается. Наибольшую роль на локальном рынке труда бюджетная сфера играет в тех поселениях, где либо нет иных мест приложения труда, либо имеются стациона-

ры социальной опеки. В целом, наличие рабочих мест в бюджетных учреждениях сдерживает отток сельского населения: семейные пары, где муж – отходник, а жена – работница бюджетного учреждения, встречаются очень часто. При отсутствии работы для женщин многие семьи еще быстрее покинули бы сельскую местность.

Наряду со сжатием давно существовавших отраслей экономики и сокращением бюджетных учреждений появляются новые экономические объекты и учреждения сферы обслуживания, иногда – довольно необычные. Так, в сельскохозяйственное производство включаются сельские монастыри; на базе упраздненных школ и детских садов появляются частные дома престарелых, реабилитационные центры, а иногда и туристические объекты. Все они становятся местами приложения труда сельских жителей.

В случае если территорию района покрывает густая сеть автомобильных дорог с твердым покрытием и при высокой плотности сельских населенных пунктов, наблюдается высокая трудовая мобильность сельского населения: многие находят работу за пределами своих населенных пунктов – в других селах района, в соседних районах и городах. Благодаря росту автомобилизации многие самостоятельно совершают ежедневные трудовые поездки. В случае разреженной сети дорог и населенных пунктов и слабой экономической базы более распространенной практикой становится отходничество – возвратные трудовые поездки в вахтовом режиме.

Оценить численность отходников очень сложно. Различные косвенные методы не позволяют отделить отходников от других жителей трудоспособного возраста, не задействованных в локальной экономике. Занятых за пределами мест постоянного проживания оказалось около 35%. Микроданные переписи (если предположить, что они более-менее верные) не позволяют отделить маятниковых мигрантов от отходников внутри региона, но позволяют увидеть численность жителей, занятых за его пределами. Дальних отходников вдвое меньше, чем ближних – многие предпочитают работать поближе к дому даже при меньших зарплатах. В то же время молодые отходники чаще отправляются в крупные города соседних регионов или в города Московской агломерации. Отходничество – это не только способ повышения благосостояния семьи, это еще и образ жизни. Многие привыкли к вахтовому режиму и не хотели бы менять сложившийся ритм.

Несколько неожиданными оказались данные о количестве тех, кто живет на различные государ-

ственные пособия или пенсии. В среднем по обследованным территориям их оказалось около $\frac{1}{5}$ общей численности населения в трудоспособном возрасте, а во многих селах – 30–35%. Конечно, наличие пенсии или пособия не исключает участия в трудовой деятельности, но все же такое число пенсионеров и иждивенцев заставляет изменить взгляд на скрытые трудовые ресурсы села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
2. Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии. Кострома: Костромской Губстатотдел, 1927. 201 с.
3. Жбанков Д.Н. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губернское изд-во, 1891.
4. Заусаева Я.Д. Оценка численности отходников в малых городах России // Демоскоп Weekly. 2013. № 575–576. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/analit06.php>
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 3. М: Политиздат, 1971. 609 с.
6. Марова Г.К., Читнев И.И. Васильевское. Это село было, есть и будет. Шуя: Полиграфия-центр, 2003. 63 с.
7. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
8. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–46.
9. Официальная интернет-страница НОУ “Ковалёвский детский дом”. <http://kovalevo.org/about/about.html>
10. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
11. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 31–75.
12. Плюснин Ю.М., Слободской-Плюснин Я.Ю. Взаимоотношения бизнеса и власти на местном уровне // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Сост. и под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 212–238.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. М.: Росстат, 2003–2014. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

14. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб.: Изд-во И.Р.Г.О., 1910. 212 с.
15. Титова Е.В. История деревни Первитино Лихославльского района Тверской области // Сельская Россия: прошлое и настоящее / Матер. XVI Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 18–19 декабря 2014 г. / Под ред. К.А. Аверьянова. М.: 2015. С. 221–222.
16. Трейвиш А.И. “Сжатие” пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в территориальном развитии и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 16–31.
17. Шаповал Д.Г. История сёл Дунилово и Горицы: от неолита до современности. Шуя: Полицентр, 2013. 240 с.

Labor Markets and Role of “Otkhodnichestvo” in the Employment of Rural Residents of Non-Chernozem Zone of Russia

K.V. Averkieva

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: xsenics@yandex.ru*

The article analyzes rural labor markets and the present-day practices whereby those who cannot find jobs within their settlements seek sources of subsistence. Various ways of estimating the size of unemployed population are considered in detail using federal and municipal statistics, as well as the microdata of Russia's 2010 Census. Comparison of statistics, census data, and interviews that the author collected during field studies has yielded the structure of local labor markets and all possible sources of subsistence for rural inhabitants of working age in a case study of 18 key rural settlements in Ivanovo and Kostroma oblasts. The studies show that only about 30–35% of working-age rural inhabitants are employed in traditional labor spheres (agriculture, forestry, industrial production, and the service sector) in their home settlements; more than 35% work outside their settlements, commuting daily or on a rotating scheme; about 20% live on pensions and various allowances or depend on their relatives and other persons; the remaining 10% are self-employed (i.e., they work on their commercialized subsidiary farms or have odd jobs). The proportion of identified groups in each settlement depends on many factors, including the condition of the local economy, geographic position, the density of transportation infrastructures, and so on.

Keywords: countryside, employment, labor markets, agriculture, otkhodnichestvo, non-Chernozem zone.

doi:10.15356/0373-2444-2016-1-25-37